

Один день из жизни японца XIX века глазами русских путешественников

Япония всегда привлекала своей загадочностью. Особенно в тот период, когда эта страна была сокрыта от внешнего мира. Я бы хотела рассмотреть один день из жизни японца глазами путешественников в период, когда Япония была еще закрыта от внешнего мира. Источниками такой информации служат записки путешественников, побывавших в Японии в XIX в. Через призму своей культуры они пытались проникнуть в загадку японской повседневной жизни. В путевых записках можно проследить ритм повседневной жизни японца.

Первое, что отмечали путешественники, это социальная однородность ритма жизни, не важно, мужчина это или женщина, воин или земледелец, поскольку, как отмечает Бартошевский, «офицер, чиновник правительства, купец, земледелец, работник – все живут одинаково, все однообразно устраивают свое жилище и домашнюю обстановку; богатство делает в них только качественное или количественное различие, оставляя те же основные черты» [5; 358].

Итак, день японца, да и любого человека, начинается с пробуждения. Японец просыпался под звон колокола, который оповещал о начале нового дня. Вообще, весь день японца сопровождается звоном колокола: «Сутки они начинают считать с полуночи, в которое время бьют в колокол девять часов... Японцы бьют часы таким образом: сначала ударят раз в колокол, потом, минуты через полторы, два раза вдруг один после другого; сии три удара возвещают, что часы будут бить, или, так сказать, говорят: слушай!» – отмечает В. М. Головин [3; 52].

По пробуждении каждый японец, как и принято, идет умываться, одеваться и завтракать: утренний туалет очень прост – японцы либо омывают лицо водой, либо вытирают щеточкой: «они чистят свои зубы деревянной щеточкой, откашливаются очень громко и производят такой шум, точно у них морская болезнь» [1; 230–231].

* *Людмила Владимировна Жукова* – студентка исторического факультета Пермского Государственного Гуманитарно-Педагогического Университета (г. Пермь).

«Обыкновенная одежда обоих полов и всех классов одинакова по форме; все различие в достоинстве и цвете материи. <...> Платья на талии поддерживаются поясом у мужчин шириною с ладонь, а у женщин в пол-аршина... Женщины завязывают огромный бант; по его положению можно отличить девушку от замужней: девушки носят бант на спине, замужние под грудью» [5; 326]. Таким образом, повстречав на улице незнакомку, вы сразу поймете её сословную принадлежность и семейное положение.

Завтрак японца состоит из чая и какой-либо рыбы [5; 59]. «Японцы имеют свой зеленый и черный чай. <...> пьют его, когда пить захочется, как мы квас, теплый или горячий, только без сахара; а зеленый чай пьют изредка как лакомство. <...> Есть у них и свой сахарный песок, только он очень грязен, черен и несладок. Японцы редко пьют чай с сахаром, а любят просто есть его: положи на ладонь ложку сахару, берут в рот, как маленькие дети; когда мы потчевали своих караульных присылаемым нам в гостинец сахаром, то они всегда с большими комплиментами отговаривались, а ночью, лишь только мы засыпали, они все съедали дочиста» [2; 93]. Но, несомненно, чай на завтрак – это всего лишь утоление жажды перед долгим днем.

Позавтракав, все отправляются по своим делам. Не важно, чем занят японец, но его день непременно полон деятельности. Нужно только отметить небольшие особенности семейной жизни: «Муж, занимая какую-нибудь должность, вполне предоставляет управление домом в распоряжение жены <...> Именно поэтому, хотя общественное положение женщины, в следствии малого развита народа, совершенно бесправное, в семье она пользовалась одинаковым влиянием с мужем, вследствие чего в семье постоянно господствует согласие. Так что нужно удивляться, что японец, при необузданности своих страстей, при диких и суеверных взглядах, существующих во всех классах общества, держит себя дома как вполне цивилизованный человек, что совершенно противоположно нашему обычаю держать себя человеком в обществе и зверем дома. Я жил в четырех японских семьях и был изумлен отношениями, существующими между супругами: не было слышно не только драк, но даже крупных споров» [5; 350].

В течение дня не зависимо от рода деятельности японец сталкивается с множеством людей. Каждая встреча требует определенного этикета по отношению к другому. «В обращении между собой японцы отменно учтивы... Кланяются они приседая; если кому хотят изъяснить отличное почтение, то совсем становятся на колени и нагибаются до земли, но это делают только в комнатах, а на улицах показывают лишь вид, что хотят так поклониться... <...> При расставании обыкновенное их прощание состоит в таких же

поклонах» [4; 76]. Если же посчастливится совершить визит в гости, то «гости входят с мнимой и притворной неуверенностью, низко кланяясь и прижимая руки к коленям, если это мужчины, или падая на колени и касаясь лбом земли, если это женщины» [5; 363].

После тяжелого рабочего дня, по возвращении домой, первым делом японец принимает ванную. Надо сказать, что принятие ванны очень отличается от европейских представлений. Во-первых, все члены семьи моются в одной воде, а гости принимают ванную первыми: «они нас посылали мыться по очереди... и всех в одной и той же воде. Сначала нам это показалось досадно... но успокоились совершенно с сей стороны, когда, к немалому нашему удивлению, увидели, что после всех нас в той же самой воде, не прибавляя ни капли свежей, мылись три или четыре человека» [2; 142]. Во-вторых, вода в ванной горячая настолько, что иностранцы боятся в ней свариться «уже со второй ступеньки я выскакиваю из воды, как ошпаренный... Тем не менее, после меня, в строгой очереди, входит в ванну хозяин дома, затем хозяйка, сыновья, дочери, все домочадцы поочередно. Каждый из них сидит в ванне... пока, в буквальном смысле, не доварится в ней» [5; 362].

Далее наступает долгожданный ужин: «когда я смотрел на это малорослое общество, на эту массу микроскопических чашек... на эти микроскопические блюда, годные, каждые в отдельности, разве только для лилипутов и грудных детей, то мне как то невольно казалось, что я попал в общество взрослых детей, играющих в маленькое хозяйство» [5; 368]. Японский ужин очень часто сопровождается выпивкой. Такой ужин даже имеет особое название – Бансяку и обыкновенно происходит в зимнее время года, когда теплое сакэ позволяет согреться в холодную погоду: «когда погода была холоднее обыкновенной, давали каждому из нас по две чайных чашки подогретой сакэ» [2; 182].

После ужина все отправляются спать: «в комнату обыкновенно вносят два футона, вместо постели, и один футон с рукавами вместо одеяла. Подушек у японцев нет, а есть деревянная макура, похожая на скамейку, на которую японец кладет шею и в такой неудобной позе спит» [1; 232].

Итак, российские путешественники отмечают однообразие и размеренность жизни японцев. Мы видим, что даже в условиях начала «открытия Японии» старые ритмы повседневности остаются неизменными. Этот ритм дня выработал у японца определенные черты характера, которые прослеживаются и ныне. Среди таких черт можно выделить размеренность, дисциплинированность, сдержанность, чувство долга, вежливость, аккуратность и бережливость.

Литература

1. Воллан Г. А. В стране восходящего солнца. – СПб., 1906. – 577 с.
2. Головнин В. М. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев. – Ч. I. – СПб., 1816. – 285 с.
3. Головнин В. М. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев. – Ч. II. – СПб., 1816. – 207 с.
4. Головнин В. М. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев. – Ч. III. – СПб., 1816. – 169 с.
5. Мещеряков А. Н. Книга японских обыкновений. – М. : Наталис. 1999. – 420 с.